

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МИХАИЛ ОЛЕГОВИЧ ПИСКУНОВ

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Лаборатории
междисциплинарных исследований пространств
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Россия;
e-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ РАКОВ

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории визуальной истории
научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: t.n.rakov@hse.ru

Леса сибирских академгородков и наследие советской большой науки (1950–2010-е)

УДК: 001+630.6(091)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-206-229

Статья посвящена истории взаимодействия городских лесов и локальных сообществ новосибирского и красноярского академгородков. Понимая леса этих поселений как расширенное городское пространство, авторы делают срез основных социально-экономических тенденций внутри академических сообществ на протяжении позднесоветского периода и слома первых постсоветских десятилетий. Авторы, опираясь на архивные и опубликованные источники, местную прессу, материалы собственных полевых работ в этих академгородках, делают вывод, что леса в городах науки выступают как продолжение и замена общественных пространств и являются для местных жителей общим благом. Текст построен как история зеленого строительства в каждом из академгородков, его связи с локальными политическими и экономическими контекстами: ведомственным характером советской академической науки, возможностями местных ученых привлекать поддержку региональных лидеров и готовности трудовых коллективов НИИ добровольно заниматься благоустройством. Далее статья охватывает постсоветский период, в который зеленые территории академгородков становятся

предметом интереса местных и федеральных застройщиков. Противостояние точечной застройке и федеральным проектам развития в академгородках вызывает к жизни активистские группы, которые благодаря своему упорству и экспертизности с переменным успехом противостоят коммодификации территорий.

Ключевые слова: социальная история науки, академгородки, наукограды, М.А. Лаврентьев, городские леса, зеленое строительство, активистские сообщества, джентрификация.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 25-78-10152 «Региональные территориальные комплексы науки и технологий в позднем СССР и постсоветской России (1970–2010-е годы): коммерциализация, кластеризация и средовые решения», <https://rscf.ru/project/25-78-10152/>

Введение. Зеленые пространства сибирских академгородков и пространства науки

Написание истории науки в большинстве случаев тяготеет к одной из трех траекторий: институциональная история крупных организаций, биография выдающихся ученых или история научных открытий. Обращение к «пространственному повороту» в гуманитарных науках [Baron, 2007], анализ научного производства вместе с изучением возникающей вокруг него повседневной среды ставит вопрос об особенностях ученых именно как социальной группы. Пространство — это богатая метафора, которая позволяет смотреть на науку не только как на идеи или социальный статус ученых, но и на ее физическое воплощение: здания НИИ, кампусы университетов, зоны наукоемких производств (см.: [Galison, Thompson, 1999]). В этой статье мы обращаемся к городским лесам сибирских академгородков как разновидности городского общего блага и тому, как их организация и поддержание структурирует научные/общественные сообщества новосибирского и красноярского академгородков.

Сибирские академгородки возникают в течение 1950–1970-х гг. Организация их пространства строится вокруг трех принципов: удаленности на момент строительства от центров соответствующих городов, одновременно функционального и социально-меритократического зонирования территорий, а также городских лесов как ландшафтной доминанты города ученых. Каждый из четырех академгородков (в Новосибирске, Иркутске, Красноярске и Томске) и является продолжением своего города, и удален от него на 5–20 км. В историографии и мемуарах такое расположение приписывают решению академика М.А. Лаврентьева, который, выбирая место под будущий Новосибирский Академгородок, руководствовался идеей, «чтобы городок науки не растворился в большом городе»¹.

Со времен работ Чикагской школы и особенно А. Лефевра очевидно, что зонирование городского пространства — это не случайный и не естественный феномен

¹ Век Лаврентьева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 129.

[Чикагская школа социологии, 2015; Lefebvre, 1991, 1996, 2003]. Циркуляция потоков рабочей силы, товаров, капиталов задает рамки, вокруг которых формируются современные города. При этом Лefевр полагал, что социализм советского типа не создал свою специфическую городскую форму, а использовал шаблоны капитализма. Напротив, городской историк К. Зарекор считает социалистические города фактом, а главную их особенность видит в том, что эти города сознательно проектировались не только как вместилища труда и экономики, но и как пространства социалистической трансформации людей [Zarecor, 2018].

При таком взгляде помимо заводов и общественного транспорта, привозившего на них рабочих, важны площади и проспекты, по которым советский рабочий шел в колонне демонстраций, пионерские лагеря, которые посещали его дети, клубы и дома культуры, в которых отдыхал он сам, — словом, пространства, проходя которые советский человек должен был обрести социалистическую сознательность. Здесь проявляется особость академгородков. Политические городские иерархии в них замещены ведомственными академическими иерархиями, а место общественных пространств занимает лес. Жилые дома, институты и общественные здания буквально погружены в лесные массивы. Мы полагаем, что история этих лесных массивов может быть ключом к социальной истории и динамике сибирских городков науки, и шире — советских ведомственных наукоемких пространств.

Мы хотим оттолкнуться от идей Г.И. Ревзина о советских наукоградах [Ревзин, 2020]. С точки зрения Ревзина, лес Новосибирского и других академгородков является случайным историческим наследием, ставшим традицией. Когда в середине 1930-х гг. создавался первый в СССР наукоемкий моногород Жуковский, то в черту его застройки случайно попали дачи бывшего города-сада Кратово, а также лес, отделявший Жуковский от аэропорта Раменское. Далее дачи и лес становятся обязательным атрибутом образа жизни ученых-естественников и дополнительно закрепляются в закрытой системе атомоградов, в которых опасные работы с радиацией требовали защитной лесополосы между промзоной и жилыми домами. Наконец, в условиях низкоэтажного строительства лес атомных городов осуществлял еще и функцию прикрытия от возможной аэрофотосъемки территорий самолетами-шпионами.

Не оспаривая эти технологические моменты, мы полагаем, что у академгородковских лесов есть своя собственная историческая динамика, связанная с общественной жизнью их поселений. Классический подход Лefевра к исследованию городского пространства предполагает внимание: 1) к планам и проектам территорий; 2) к способам их обживания, повседневным практикам людей; 3) к репрезентации пространств, которые выражают субъективный опыт жителей [Lefebvre, 1991, p. 33]. Эту лefевровскую триаду мы хотим далее проследить на материале истории городских лесов академгородков в Новосибирске и Красноярске на протяжении двух периодов — от героики основания и освоения в 1950–1980-х гг. до трудной трансформации в 1990–2000-е. Наши изыскания основаны как на работе с архивными и опубликованными источниками (пресса, воспоминания, краеведческая литература), так и на материалах четырех полевых экспедиций в эти поселения в 2021–2024 гг. Выбор именно этих академгородков как предметов исследования обусловлен высокими в последние полвека темпами развития Новосибирска и Красноярска. Это развитие помещает академические леса в центр дискуссии о городском развитии и позволяет вскрыть связанные с ними социальные контексты.

Зарождение и кризис академических лесов в Новосибирском Академгородке

Новосибирский Академгородок, строительство которого началось в конце 1950-х гг., стал самой известной попыткой воплотить на просторах Сибири идею о соединении пространственной организации «большой науки» с принципами модернистской городской планировки, включающей большие озелененные пространства. В середине–конце 1950-х гг. советская строительная мысль находилась под влиянием Постановления об излишествах 1955 г., которое покончило со сталинским большим стилем и создало условия для выработки новых эстетических оснований [Хмельницкий, 2006, с. 319–355]. Вслед за выходом этого нормативного текста на страницах профессионального журнала «Архитектура СССР» начинается обсуждение теоретических вопросов, в том числе какими принципами должен руководствоваться советский архитектор и каковы основные тенденции зодчества современности. Во втором номере журнала за 1962 г. появляется статья, в которой Новосибирский Академгородок за примененный в нем способ функционального зонирования территорий и бережное отношение к рельефу осмысливается как пример нового подхода к архитектуре².

При этом, как отмечает Р.С. Бугаев, парой годов ранее, в 1959 г., в Академии архитектуры и строительства СССР имело место интенсивное обсуждение двух проектов сибирского города науки — от Ленгипростроя Министерства среднего машиностроения и от Новосибиргорпроекта совместно с ГИПРОНИИ АН СССР. По итогам обсуждения «атомный» проект, воплощавший опыт строительства минсредмашевских поселений, отвергли за «жесткость и геометризм», и не без оговорок приоритет был отдан конкурентам, которые предпочитали более свободную планировку [Бугаев, 2023]. Таким образом, Академгородок уже на стадии своей организации позиционировался не только как место новой науки или новой оттепельной Сибири, но и как новое, организованное на иных принципах, чем сталинская архитектура, городское пространство. Эту претензию выразило в том числе присуждение в 1967 г. коллективу архитекторов ГИПРОНИИ и Новосибиргорпроекта первой Государственной премии РСФСР по архитектуре³.

Спустя десятилетие специалисты также отмечали значение пространственного замысла города науки в области зонирования территории и использования лесных массивов. Архитектура Академгородка была стандартной — нестандартной была ее комбинация с природой. Авторитетная «Всеобщая история архитектуры» 1975 г. описывает последнюю следующим образом:

«Предпосылки для развития полноценной городской среды создавало само расположение “города науки” в здоровой и живописной среде на берегу огромного Обского водохранилища среди крупного лесного массива. Система функционального

² Павличенков В. Практика новой застройки городов Сибири // Архитектура СССР. 1962. № 2. С. 21–28.

³ Постановление Совета Министров РСФСР «О присуждении Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры» // Электронная библиотека исторических документов. Режим доступа: www.docs.historyrussia.org/ru/nodes/406596-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-o-prisuzhdenii-gosudarstvennyh-premiy-rsfsr-1967-goda-za-vydayuschiesya-proizvedeniya-literatury-iskusstva-i-arhitektury-26-dekabrya-1967-g-locale-nil-945 (дата обращения: 25.03.26).

зонирования городской территории была осуществлена в соответствии с ее санитарно-гигиеническими и эстетическими качествами. <...> Застройка вписана в живописный абрис участков, свободных от лесного покрова. Лесные массивы сохранены в максимальной степени; они покрывают половину селитебной территории, их полосы пронизывают тело города. Связанные анфиладно, разнообразные по композиции жилые группы микрорайонов komponуются вокруг рощ. Клинья леса входят в жилые дворы, подступают к зданиям и через разрывы в застройке соединяются с естественными парками и лесопарками»⁴.

Таким образом, для советских архитекторов 1950–1970-х гг. лес Академгородка становится способом выразить новые подходы к градостроительству, провести функциональное зонирование и осуществить разрыв с интеллектуальным наследием сталинской архитектуры.

Освоение пространств Академгородка, в том числе природных, его жителями шло в параллельной архитекторам логике, в которой переплетались вопросы власти и управления ресурсами. Документы научного архива Отделения показывают, что оргкомитет СО АН и затем его Президиум с самого своего появления уделяли большое внимание местным лесам. Так, одним из острых вопросов первых лет Академгородка был конфликт между строителями и представителями Сибирского отделения по поводу масштабов вырубок деревьев в ходе строительства.

Если на первых порах М.А. Лаврентьев и другие основатели, скорее всего, имели общее с архитекторами виденье пространств города науки, то затем защитники местных лесов обрели собственную субъектность: в конце 1957 г. в структуре Центрального Сибирского ботанического сада СО АН была создана Лесозащитная опытная станция (ЛОС), позже переданная в непосредственное подчинение Президиума Отделения. Сотрудниками станции, которая в течение первого десятилетия выросла до организации в несколько десятков человек, были ботаники и лесоведы, а их функции заключались в менеджменте зеленых территорий Академгородка — в наблюдении и уходе за деревьями, в создании новых озелененных территорий, в контроле за поведением в лесу и даже в проведении ландшафтных архитектурных работ.

Одна из первых задач, которую поставила себе ЛОС, — надзор за строительством городка. Сотрудники станции воздействовали на строителей через публичные собрания с участием ботаников, публикацию материалов в газете строителей «Академстроевец», а также прямыми угрозами прекращения оформления разрешений на необходимые для строительства зданий и прокладку коммуникаций рубки деревьев⁵. Конфликт между сотрудниками ЛОС и строителями разворачивался и вокруг некоторых практик, сопровождавших стройку и затрагивавших прилегающие территории. Для строителей было естественным размещать технику и санитарно-бытовые службы вокруг застраиваемых участков, однако работники ЛОС в своих жалобах в Президиум СО АН описывали это как «захламенение леса остатками от лесозаготовок и просто беспорядочное сваливание строительного мусора,

⁴ Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 1. Л.: Стройиздат, 1975. С. 523–524.

⁵ Научный архив СО РАН. Ф. 10: Президиум СО РАН. Оп. 3. Д. 84: Деятельность ЛОС. Л. 2.

неурегулированное движение по лесу автомашин и других механизмов, а также ряд других нарушений»⁶.

Конфликт между ботаниками и строителями был не единственным противостоянием вокруг леса, сопровождавшим раннюю историю Академгородка. Жители города науки также по-своему обживали и присваивали окружавшее их зеленое пространство. Проанализировать различные тактики взаимодействия с лесом мы можем по их фиксации как *порוצаемых* в официальном периодическом издании городка — «За науку в Сибири», а также в их отражении в воспоминаниях горожан.

Так, в одном из номеров газеты журналисты в очень дидактическом тоне описывают обращение горожан с лесом. В статье под названием «Не будьте варварами» перечислялся целый спектр повседневных практик, которые осуждались авторами как наносящие урон лесу. В частности, горожане использовали деревья возле своих домов в качестве столбов для бельевых веревок, а детсадовцы и пионеры собирали верхушки деревьев для создания «живых уголков». Были отмечены случаи браконьерской охоты на косуль в окрестностях, а также эгоистическое поведение некоторых ученых — часть сотрудников Института экспериментальной биологии и медицины (ИЭБМ) обвинялись в использовании лесопосадок для строительства са-рая⁷. Насчет последнего обвинения стоит отметить, что как раз в описываемое время между М.А. Лаврентьевым и директором ИЭБМ Е.Н. Мешалкиным произошел острый конфликт, закончившийся изгнанием последнего и его института из состава Сибирского отделения. То есть использование в тексте статьи характеристики «вредительское» для описания отношения к лесу («общему благу») сотрудников именно этого научного коллектива могло быть в том числе метафорой параллельного внутриведомственного конфликта в Академгородке.

Сотрудники ЛОС имели и позитивную программу менеджмента городских лесов. Она нашла отражение в таком документе 1966 г., как «Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР». «Генеральная схема» не просто подводила некоторый промежуточный итог наблюдению за состоянием леса, но и предлагала комплекс мер по его менеджменту. Некоторые лесоведы представляли даже своего рода упразднение леса через, например, превращение его в парк⁸. Наиболее активными работами по управлению лесными насаждениями в Академгородке стали с приходом на должность заведующего ЛОС ботаника И.В. Тарана в 1965 г. В научных публикациях Тарана и его коллег по ЛОС заметно, что они смотрят на лес как на комплексную пространственную и урбанистическо-природную систему. Пространственно все леса в городке и вокруг были поделены на пять зон, выделенных в зависимости от характера произрастающей на них растительности, близости к жилой зоне городка и степени воздействия на них человека⁹. Этот подход ЛОС находил поддержку академика Лаврентьева и других членов Президиума, так как с назначением Тарана финансирование увеличилось в

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ *Потапов В.* Не будьте варварами! // За науку в Сибири. 1962. 10 апреля. № 15. С. 2.

⁸ Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. Новосибирск: ЦСБС СО АН СССР, 1967. С. 68.

⁹ *Таран И.В., Спиридонов В.Н.* Устойчивость рекреационных лесов. Новосибирск: Наука, 1977. С. 141–142.

три раза, а сам заведующий стал частым гостем на заседаниях Президиума СО АН¹⁰. Всего ЛОС реализовала две «генеральные схемы» — 1960–1975 и 1988–1993 гг., итогом чего стала высадка нескольких сотен тысяч деревьев и кустарников [Жимулев, 2007, с. 6].

Созданные в советский период репрезентации Академгородка и его леса укладываются в дискурс архитектурной, городской и региональной рациональности. Если для архитекторов Новосибирский Академгородок помещается в дискурс нового советского города, в котором рациональное зонирование исправит ошибки нечувствительного к особенностям рельефа высокого модернизма предшествующего периода, то для региональной городской политики Академгородок — это пример новой Сибири, которая отныне не только место наказания или источник ресурсов, но и пространство производства знаний. А интеллектуальный труд требует комфорта жизни и отдыха, в перечне условий для которых фигурирует и лес для прогулок ученых. Получается устойчивый семантический ряд: новая городская (интеллектуальная!) Сибирь и городской лес как часть ее необходимой инфраструктуры. В одной из первых публикаций главной сибирской газеты «Советская Сибирь» корреспондент рисует будущий Академгородок через сочетание леса и типовых рациональных решений:

«Город будет, во-первых, красив и, во-вторых, максимально удобен для жителей. <...> Мы должны сразу огорчить поклонников тяжеловесных колоннад и пронзительных шпилей: жилые дома будут сооружаться исключительно по типовым проектам, а здания институтов — либо по типовым, либо по повторным. <...> В городке будет много зелени. Ведь из тысячи двухсот с лишним гектаров, отведенных под строительство, около шестисот занято лесными массивами и рощами. Большая часть из этого зеленого богатства будет сохранена, превратится в лесопарковую зону, в отдельные сады и скверы. <...> Красоты природы и плоды человеческого труда будут счастливо сочетаться в комплексе научного городка, определяя его внешний облик»¹¹.

В свою очередь в переговорах руководителей Академии с государственными лидерами переезд ученых из столиц в Сибирь обосновывался как стратегическими соображениями, так и грядущими планами гигантского развития края, интеллектуальное сопровождение которого должно обеспечить Сибирское отделение АН СССР¹². В конечном итоге М.А. Лаврентьев обобщил все эти репрезентации в своей каноничной формуле «город-лес». В 1967 г. в интервью корреспонденту «Литературной газеты» академик набросал такой образ ближнего будущего региона:

«Город с населением больше миллиона, согласитесь, неприятен для жизни. Для Сибири достаточно четырех-пяти гигантов. Лучше иметь комплексы небольших городов, расположенных на относительно близком расстоянии друг от друга. Не “город-сад”, а скорее “город-лес” — вот что станет отличительной чертой “сибирской архитектуры”. В этих городах не будет дыма. Промышленность будет размещена за

¹⁰ Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2015, С. 65.

¹¹ Город будет, саду цвести! // Советская Сибирь. 1957. 28 декабря. № 302. С. 3.

¹² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 170. Л. 3: Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «Записка академиков Лаврентьева и Христиановича». 10 января 1957 г.

городской чертой. Вся бытовая техника электрическая. Это тоже чисто сибирский вариант: ведь у нас здесь огромные запасы дешевой электроэнергии»¹³.

Эти устремленные в будущее репрезентации выделяются высоким полетом мысли их авторов, принадлежащих к привилегированным группам советского общества, — это ученые, архитекторы, журналисты центральной прессы. Историк науки Е.А. Долгова отметила, что создание Академгородка сопровождалось беспрецедентной в истории российской/советской науки рекламной кампанией [Долгова, 2024, с. 238]. Недавняя монография другого историка науки К. Татарченко целиком посвящена советским репрезентациям сибирского города науки и их взаимно усиливающимся связям с общими образами макрорегиона [Tatarchenko, 2024]. Но эти образы за редкими исключениями создавали «генералы» от науки и идеологии. В местной прессе они уже только транслируются, используются как руководство к действию и дисциплинированию жителей. Сотрудники ЛОС и волонтеры от лица Президиума СО АН и комсомольской организации с высоты своего фуколдианского «власти-знания» поучают людей, как именно те должны отдыхать в лесу — какие активности допустимы (собирать грибы), а какие являются «варварскими» (рвать цветы).

Отслеживая, кто и как создает репрезентации города науки, мы видим, как профессиональные и ведомственные иерархии пронизывают и его лесные пространства. Лес принадлежал вертикально организованной Академии наук в той же мере, в какой ей принадлежали жилые дома и рабочие места. Конфликт между строителями и учеными не ограничивался только моментом основания Академгородка, он продолжался как скрытое неравенство на протяжении всей истории поселения. Так, академики СО АН жили в коттеджах на лесных опушках, проживавшие в малоэтажных многоквартирных домах Верхней зоны сотрудники НИИ и их дети имели лес в шаговой доступности, однако строители и члены их семей, жившие в многоэтажках микрорайона Щ, для пользования организованной природной инфраструктурой уже были вынуждены ехать на общественном транспорте или идти 30–40 минут. Это социальное напряжение, прикрытое утопическими репрезентациями города науки и советским оттепельным культом молодежи и ее энтузиазма, в открытой форме проявилось уже в постсоветский период.

* * *

Кризис и последующее крушение советской системы планового хозяйства и интегрированной в нее государственной академической науки в Новосибирске принял в том числе пространственные формы. Как дендрологи по коре деревьев могут определять фазы благоприятной и неблагоприятной для дерева окружающей среды, так и в состоянии рукотворных городских лесов Академгородка отражаются происходящие вокруг них социальные процессы. И.Ф. Жимулев в монографии 2007 г. о природе Новосибирского научного центра так характеризовал общие процессы в местной флоре: «...в последние 10–15 лет зеленое хозяйство Академгородка стало приходить в упадок. Прекратила свое существование ЛОС, как следствие, — прекратились не только посадки деревьев и кустарников, но даже и просто уход за территорией: происходило быстрое неконтролируемое зарастание верхней зоны, окружающие леса стали превращаться в свалки мусора. Перестали проводиться даже наиболее

¹³ С точки зрения оптимиста // Литературная газета. 1967. 5 ноября. № 45. С. 15.

необходимые мероприятия, такие как удаление древесного сорняка — американского клена, разросшегося по всей территории, особенно по окраинам, расчистка лесов от сухостоя. Перестали привлекать птиц и белок — искусственные гнездовья не вывешивали около 25 лет» [*Природа Академгородка*, 2007, с. 21].

Этот упадок не был одномоментным и не являлся порождением чьей-то злой воли. Городские леса стали первой жертвой ведомственного ослабления некогда всемогущей в поселении Академии наук. Фактически Лесозащитная опытная станция СО РАН не прекратила свое существование по сей день, но у нее шаг за шагом отпадали зоны ответственности, полномочия и сокращался персонал. Были и контртенденции, когда с подачи руководителя СО РАН академика В.А. Коптюга с начала 1990-х гг. была запущена «Экологическая программа Новосибирского научного центра», которая увязывала работы специалистов ЛОС с экологическими исследованиями коллективов отдельных НИИ Академгородка¹⁴. За счет этой программы даже в самые тяжелые времена удавалось поддерживать уход за местными лесами. Однако принятый в 1997 г. Лесной кодекс РФ не предполагал безвозмездной аренды леса организациями и объединениями, а платить за них Академия не могла. Начался процесс передачи лесных участков Академгородка муниципалитету, а ЛОС СО РАН сменился новосибирским «Горзеленхозом», чьи возможности и экспертиза специалистов были несопоставимы.

Передача лесов была частью более широкого процесса демонтажа в постсоциалистической России ведомственных механизмов управления территориями. В случае Академгородка это осложнялось тем, что Академия наук со всеми ее территориальными отделениями — это федеральное учреждение, и, соответственно, все ее имущество и земли тоже принадлежат Российской Федерации, что делает процесс муниципализации мучительно долгим и запутанным (фактически этот процесс в Академгородке продолжается и по сей день).

При этом самый острый социальный вопрос сибирского города науки с советских времен — жилищный. Исследователи фиксируют жилищные проблемы уже на рубеже 1960–1970-х гг. [*Кузнецов*, 2015], а к 1980-м гг. ситуация с нехваткой жилья при избытке желающих жить и работать в Академгородке только ухудшилась [*Артемов*, 1990]. В рыночные времена обнищание научных сотрудников при растущем стремлении предпринимателей переехать в комфортную городскую среду создало для Академгородка остро ощущающуюся местными жителями перспективу стать привилегированным спальным районом Новосибирска. Пытаясь замедлить джентрификацию Новосибирского научного центра, председатели СО РАН академики В.А. Коптюг и Н.Л. Добрецов на протяжении 1990-х — первой половины 2000-х гг. тормозили приватизацию жилья на подведомственной им территории, чем только обострили социальное противоречие между не имеющей своего жилья академической молодежью и относительно комфортно устроенными руководителями среднего и высшего уровня. Чересполосица федеральных и муниципальных земель в поселении, с одной стороны, делала затруднительным заход сюда коммерческих застройщиков, а с другой, превращала именно лесные массивы в первоочередные цели для застройки.

В 2006 г. были опубликованы планы масштабной застройки Верхней зоны Академгородка в рамках совместного проекта федерального правительства и СО РАН

¹⁴ Экология ННЦ // Наука в Сибири. 1991. 11 марта. № 11. С. 3.

по созданию технопарка. На 136 га внутренних лесов должны были появиться технопарк, жилые дома, гостиница, конгресс-холл и другие здания [*Природа Академгородка*, 2007, с. 21–24]. Это привело к довольно крупным акциям протеста горожан, недовольных перспективой вырубок городских лесов в научном центре. Образовалась неформальная активистская группа «Защитим город-лес Академгородок», которая вместе с другими группами местных сообществ начала кампанию за перенос технопарка в другое место, а также инициировала несколько историко-культурных экспертиз для того, чтобы признать центр Академгородка объектом культурного наследия. Чуть ранее развернулась борьба против санкционированного СО РАН строительства жилых домов в лесу по проспекту Коптюга, а в конце 2000-х гг. еще одной «горячей точкой» стала лесная территория возле НГУ, предназначенная для строительства нового корпуса университета.

Изнурительная социальная и административная борьба между местными жителями, руководителями СО РАН и НГУ, муниципальными и городскими властями привела к противоречивым результатам: 1) при минимуме вырубленных деревьев технопарк был построен на окраине микрорайона Щ, чем придал мощный импульс развитию территории; 2) высотные жилые дома на проспекте Коптюга и новый корпус Новосибирского университета были построены там, где и задумывались; 3) в 2014 г. новосибирское областное управление по охране объектов культурного наследия внесло в государственный реестр достопримечательное место «Новосибирский Академгородок» площадью 1 020 га¹⁵.

Костяк активистской группы «Защитим город-лес Академгородок» и союзных ей сообществ составили сотрудники институтов Сибирского отделения, не являющиеся молодыми специалистами, но и не относящиеся к научному истеблишменту. Из фигурирующих в СМИ шести имен — это Наталья Прийдак, Татьяна Кунина, Наталья Шамина, Екатерина Зюбина, Лев Шепелянский, Игорь Жимулев — только двое (Шамина и Жимулев) относились к руководителям уровня заведующих лабораториями и директоров институтов. Сформированное ими сообщество существует по сей день, составив рекорд долгожития и укорененности подобных организаций. Изучавшие структуру активистских сообществ Новосибирска социологи охарактеризовали его как «самое сильное и длительно функционирующее полиядерное сообщество» города:

«Оно сформировалось не позже начала 2000-х гг. Первая акция сообщества — сопротивление строительству жилого комплекса в лесном массиве внутри Академгородка (2000 г.). <...> В его состав входят Ландшафтный совет Академгородка; общественное движение “В защиту лесов!”; инициативная группа “Защитим город-лес Академгородок!”; экологи-активисты (включая экордикалов) и разделяющие их позицию жители; сообщество Интегрального музея-квартиры Академгородка; молодые урбанисты, уже менее вовлеченные в конфликтную повестку, чем другие. Все сообщества обладают высоким мобилизационным потенциалом и способностью к кооперации в ситуации угрозы

¹⁵ Новосибирский Академгородок включен в реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации / Правительство Новосибирской области. Режим доступа: www.nso.ru/news/15364 (дата обращения: 03.03.2026).

разделяемым ценностям и действиям друг против друга, когда видения настоящего и будущего Академгородка не совпадают» [Скалабан и др., 2022, с. 45–46].

Ценности, проявлявшиеся в конфликтах 2000–2010-х гг. вокруг деревьев и курстарников, выводят нас на современные постсоветские репрезентации Академгородка. В отсутствии конвенционально признаваемого лидера или авторитета вроде академика Лаврентьева именно городские конфликты выступали триггером для производства обобщенных высказываний о городе науки, его миссии и его перспективах. Леса Академгородка усилиями местных экологов и градозащитников из рекреационной или эстетической инфраструктуры города превратились в «место памяти». Французский историк П. Нора отмечал, что для того, чтобы локация стала местом памяти, ей или связанным с нею смыслом нужно оказаться под угрозой исчезновения. Он пишет: «Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом <...> когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [Нора и др., 1999, с. 17].

Утопический образ Академгородка, связанный с деятельностью поколений его основателей, к 1990-м гг. утратил свое значение, а эмиграция ученых и возникающие новые деньги и их носители поставили под сомнение ценность производства знаний о природе. На последнее десятилетие XX в. в Академгородке приходится и начало мемуарного бума (в наши дни более сотни таких сочинений хранятся в фондах ГПНТБ СО РАН), т. е. старшим поколениям местных жителей стало важно осмыслить свой опыт и передать его потомкам. Деревья, однако, в смысле триггера коллективной памяти могут выступать даже лучше текстов. Не способные эмигрировать, живущие дольше людей, заставшие М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, С.А. Христиановича и других академиков, сосны постсоветского Академгородка стали свидетельством той оттепельной сибирской «Атлантиды», как ее обозначил историк П. Джозефсон [Josephson, 1997]. В свою очередь зарастание леса сорняками, захламление мертвыми деревьями, наконец, планы вырубить какие-то площадки ради коммерческого девелопмента — воплощенная в жизнь метафора того, что жизнь в «республике СОАН» сильно переменялась.

Показательно, что лесозащитники Академгородка взяли на вооружение именно лаврентьевскую цитату про «город-лес» — вплоть до того, что одна из их активистских групп носит такое название. В спорах с представителями властей разных уровней, руководством Сибирского отделения, застройщиками они напирают не только на рекреационную или экологическую ценность леса ННЦ, но и на то, что архитектурный и зональный облик Академгородка — это задумка академика Лаврентьева и его соратников. Соответственно, вырубка и застройка зеленых территорий — это шаг против наследия академиков-организаторов. В репрезентации экологов Академгородок и его леса — это и память, и общее благо, которые находятся под ударом сил рынка (строительные компании) и неправильных руководителей (Новосибирска, СО РАН). А.В. Соболевский, сотрудник Президиума СО РАН, на протяжении двух десятилетий курирующий информационную политику Отделения, так суммировал дискурсивные средства своих оппонентов-лесозащитников:

«К настоящему времени накопилось множество мифов и мемов по поводу “лаврентьевского города-леса”. Еще мемы: “варварские вырубki”, “красно-книжные виды”, “реликтовый Пироговский (Приобский, Шлюзовской, Мешалкинский, нужное подчеркнуть) бор”. Мифы: “Академгородок строился среди густого леса (коренного/ленточного бора, сибирской тайги)”, “Строители берегли каждое дерево”, “Чтобы спасти рощу, скривили улицу (Терешковой)”, “Лаврентьев выселял из Академгородка в 24 часа за погубленное деревце (белочку, цветочек)”»¹⁶.

Это изложение является саркастическим по форме, но оно ухватывает два уровня описания городских лесов в современном Академгородке: как природное (объективное) и культурное (историческое) наследие. Подобная коммуникативная стратегия активистов, по-видимому, была довольно успешна, так как против наследия академиков-основателей не выступит ни один руководитель или общественный деятель, а значит, повестка лесозащитников хотя бы отчасти становится всеобщей повесткой в поселении. Более того, в указанном тексте Соболевский, как и некоторые другие авторы на платформе *Академгородок 2.0* (ресурс, созданный в конце 2010-х гг. для обсуждения перспектив Академгородка), вступают в полемику с активистами именно на поле истории, пытаясь переопределить, в чем именно состоит историческое и культурное наследие 1960–1970-х гг. Это дополнительно стимулирует дискуссии об исторической памяти поселения, которая бурно цветет на местных обширных мемуарном и юбилейном фондах.

Перенос новосибирской модели в Красноярск и цветущая сложность локальных акторов

Появление Красноярского Академгородка связано с именем академика Л.В. Ки-ренского. Заведая кафедрой физики и лабораторией магнетизма в Красноярском педагогическом институте, он сумел убедить как М.А. Лаврентьева, так и столичное академическое начальство создать на базе его коллектива первый в Сибири академический физический НИИ [Чистяков, Смолин, 1981]. Москва в 1956 г., т. е. еще до начала эпопеи академгородков в Новосибирске и Иркутске, выделила на институт деньги, а Красноярск — 100 га земли на левом берегу Енисея у западной окраины города, в пяти километрах от его центра [Ульянов, 2016]. На этой территории разместился не только Институт физики СО АН, но и несколько домов для семей его научных сотрудников и обслуживающего персонала. Со временем из крупных лабораторий Института отпочковались другие НИИ, и здесь вырос Красноярский Академгородок. Между Академгородком и Красноярском в месте под названием Гремячая Грива начал формироваться кампус связанного с академическими институтами красноярского филиала НГУ, который со временем превратился в Красноярский государственный университет, а в наше время стал ядром Сибирского федерального университета.

¹⁶ Конфликт интересов // Академгородок 2.0. Режим доступа: <https://www.akademgorodok2.ru/konflikt-interesov> (дата обращения: 03.03.2026).

Все эти разворачивающиеся на протяжении двух-трех десятилетий расширения и приращения вокруг Академгородка вызвали минимум земельных споров и ведомственных конфликтов ввиду удачно выбранного Киренским месторасположения Красноярского академического центра. Высокий берег Енисея, пересеченная местность, а также несколько естественных и искусственных рощ представляли трудности для промышленного и массового жилого строительства стремительно растущего Красноярска, но отлично подошли для разреженного и относительно малоэтажного городка ученых. В постсоветское время проявилось еще одно достоинство Академгородка — чистая окружающая среда. На фоне вызванных ГЭС и промышленностью негативных изменений городского климата [Koskina, 2022] высокий и отвесный берег Енисея предохраняет жителей района от негативных эффектов режима «черного неба».

В 1958 г. в Красноярск был переведен Институт леса — первое в СССР академическое учреждение лесного профиля. Официально — для усиления соответствующих работ в Сибири, неофициально — из-за борьбы его директора-основателя академика В.Н. Сукачева против лысенковщины [Кунерутох, 2005].

Переезд Института проходил непросто, часть сотрудников не захотела ехать в Сибирь или быстро вернулась в Москву [Кунерутох, 2006, с. 185]. Тем не менее доукомплектованный местными как академическими, так и отраслевыми кадрами Институт леса быстро стал незаменимой институцией в вопросах не только изучения тайги, но и озеленения Академгородка. Судя по сохранившимся фотографиям, территории будущих институтов и жилых домов, которые сейчас утопают в зелени, в середине 1960-х — начале 1970-х больше напоминали пустыри¹⁷. Это были заброшенные земли сельскохозяйственного назначения, которые сотрудники Института физики и других научных организаций целенаправленно засаживали деревьями на многочисленных субботниках и воскресниках. Ни одна история о первых годах существования Академгородка не обходится без упоминания идеологически мотивированного труда академгородковцев.

Этим полустихийным практикам Институт леса придал организованность и экспертную направленность. Заместитель директора Института, будущий академик И.Ю. Коропачинский, один из создателей дендрария в Центральном сибирском ботаническом саду СО АН в Новосибирске, сумел убедить как своего начальника академика А.С. Исаева (с 1979 г. он возглавил Красноярский филиал СО АН), так и городских руководителей Красноярска, что Академгородку необходим собственный дендрарий. В 1977 г. Институт леса начинает формировать коллекцию дендрария, которая станет полигоном испытания растений из разных ботанико-географических областей, а также источником семян и посадочного материала для красноярских озеленителей — не только в Академгородке, но и по всему городу. Работы были поручены старшему научному сотруднику Института Р.И. Лоскутову, который несколько десятилетий своей жизни посвятил дендрарию. Из дендрария практики и знания о декоративных и рекреационных лесопосадках распространялись по Академгородку, поскольку сотрудники Института леса активно привлекали к своим работам местных жителей из числа добровольцев. Дендрарий стал жемчу-

¹⁷ Авторское интервью с М., сотрудником Института леса СО РАН. Красноярск, 29 июня 2022 г.

жиной Академгородка, а само поселение стараниями городских служб, сотрудников Института леса и волонтеров к 1990-м гг. стало утопать в зелени.

В пространственном отношении Красноярский Академгородок представляет собой два микрорайона, разделенных проспектом Киренского. Спроектированный новосибирским отделением ГИПРОНИИ и построенный в 1960-е гг. Нижний Академгородок (расположен ближе к Енисею) включал в себя институтскую зону, а также несколько дворов пятиэтажных домов-хрущевки. Верхний Академгородок значительно больше и был построен на волне расширения красноярской академической науки во второй половине 1970-х — 1980-е гг. С подачи архитекторов В.В. Верюжского и Е.А. Зубковского из «Красноярскгражданпроекта» — основной проектировочной организации стремительно росшего в те годы промышленного Красноярска — был частично реализован (закончить до 1991 г. не успели) одновременно и типовой, и образцово-комфортный проект советского микрорайонного развития территории.

Меньшие размеры и поздняя постройка Красноярского Академгородка объясняют буквально считаное число его советских репрезентаций. В отличие от новосибирского, красноярский город науки уже не манил совершенно новой жизнью, а, скорее, обещал гармоничный комфорт. В 1974 г. в газете «Красноярский рабочий» появляется описание будущего Верхнего Академгородка, в котором основной акцент делается на местной природе и ее сохранении: «Архитекторы стремились уйти от монотонности, создать ансамбль, который бы органически вписывался в великолепное здешнее природное окружение. <...> другой принцип, которым руководствовались архитекторы: не только органично вписать здания в окружающий ландшафт, но и максимально сберечь здесь лес, березовую рощу — излюбленное место отдыха красноярцев»¹⁸.

Полярную репрезентацию поселения примерно в то же время создал его самый знаменитый гуманитарий — писатель Виктор Астафьев, живший здесь с начала 1980-х гг. В финальном рассказе «Нет мне ответа» цикла «Царь-рыба» рассказчик летит на самолете над Красноярском и, глядя в окно на пространства города и окрестностей, вспоминает связанные с ними события своей жизни. И здесь мимоходом всплывает Академгородок как нечто чуждое природной естественности пейзажа и деревенским воспоминаниям главного героя: «Ушла под крыло самолета, мелькнула горбина горы с сияющими новизной, голыми какими-то, неприятно чужими здесь домами Академгородка»¹⁹.

* * *

Красноярский Академгородок, будучи примерно в 3–4 раза меньше новосибирского собрата, испытывает те же проблемы с застройкой и угрозой собственной идентичности. После 1991 г. развитие территории за вычетом нескольких точечно построенных многоквартирных домов практически остановилось, а жители были вынуждены искать способы выживать без достаточной поддержки как федерального центра, так и руководства Сибирского отделения РАН. При этом активно разви-

¹⁸ Дроздов В. Тревоги и надежды Академгородка // Красноярский рабочий. 1974. 7 июля. Цит. по: Красноярский научный центр СО РАН. Режим доступа: www.ksc.krasn.ru/akademgorodok/historical-note/ (дата обращения: 25.03.2026).

¹⁹ Астафьев В.П. Царь-рыба. М.: Азбука, 2022. С. 900.

вающийся и после 1991 г. Красноярск еще не окружил территорию КНЦ СО РАН, но уже вплотную к ней подобрался.

Федеральный статус научного центра не дает городу откровенно поглотить его территорию, но на границах поселения за более чем 30 лет регулярно вспыхивали конфликты. Триггерами проникновения внешних застройщиков, как и в случае Новосибирска, становятся большие федеральные проекты, которые подводят инфраструктуру и подготавливают земли к перспективному коммерческому освоению. В интересующей нас части Красноярска такими проектами стали образование Сибирского федерального университета в 2006 г. и организованная на территории последнего международная Универсиада-2019.

СФУ был образован на базе нескольких городских вузов, главным образом Красноярского государственного университета и Технологического университета. Общежития, учебные и административные корпуса последних, расположенные на границе Академгородка, вместе составили огромный университетский кампус, сопоставимый с владениями КНЦ СО РАН или даже превышающий их. Создание федерального университета не только было административной реформой, но и сопровождалось государственными инвестициями в организацию территории вуза. Под удар попал природный комплекс «Березовая роща», который отделяет Академгородок от Студгородка СФУ. Согласно опубликованным планам застройки, на территории Рощи должны были разместиться общественные и спортивные здания университета, а также, неожиданно, торговые центры. На общественных слушаниях проект зонирования подвергся критике и позднее был скорректирован так, чтобы нанести роще минимум ущерба²⁰. С похожей критикой столкнулись и объекты, которые университет готовил к зимней Универсиаде.

Возникшее в Красноярском Академгородке сообщество градозащитников, экологов и борцов с точечной застройкой отличается сплоченностью рядов и довольно мощной укорененностью среди горожан и сотрудников институтов СО РАН. Мы изучали его в ходе серии глубинных интервью в июне — июле 2022 г. Всего было взято 16 глубинных полуструктурированных интервью, выборка неспецифичная, при подборе информантов использовался метод снежного кома. Мы общались с представителями КНЦ СО РАН, активистами-лесозащитниками и экологами, сотрудниками Института леса СО РАН, членами экспертного сообщества урбанистов и проектировщиков Красноярска.

Не имея официальной организации, неформальные лидеры экологов активно действуют в местных соседских и домовых чатах и способны при случае мобилизовать достаточное количество горожан на общественные слушания или акции протеста²¹. При этом у защищающих леса Красноярского Академгородка активистов достаточно сложные отношения с научно-исследовательскими институтами Сибирского отделения. Наиболее мощной экспертизой в области лесоведения в регионе обладает Институт леса СО РАН. Его сотрудники частично по собственному почину, частично по найму со стороны Академии или города курируют состояние

²⁰ Депутаты не смогли договориться с жителями о строительстве в Березовой роще // Newslab.ru. 7 декабря 2010 г. Режим доступа: <http://newslab.ru/news/351196> (дата обращения: 02.08.2023).

²¹ Авторское интервью с И., экологом-активистом Красноярского Академгородка. Красноярск, 29 июня 2022 г.

лесных насаждений в Академгородке. Руководство Института леса не всегда находит общий язык с активистами, часть из которых являются его собственными сотрудниками.

Одним из камней преткновения является вопрос о санитарных рубках — где их проводить и в каких объемах. В целом активисты с настороженностью воспринимают академическое руководство, подозревая его в готовности уступить земли Академгородка застройщикам из корыстных соображений или из желания построить новые дома для своих сотрудников. В интервью с нами представитель КНЦ СО РАН отметил тенденцию к параллельному существованию Академгородка и структур Академии наук. «Я воспринимал и, конечно, сейчас воспринимаю, но уже не так, Академгородок неким придатком научного центра [Федеральный исследовательский центр КНЦ СО РАН]. А когда мы начали этот проект, стало четко понятно, что это никакой не придаток, а вот уже живущий своей жизнью, со своими сообществами. И тут... для них уже научный центр во многом что-то лишнее, что мешает им здесь тихо жить в чистом лесу. А мы рассматриваем и продолжаем эту территорию как некое продолжение научного центра» (Авторское интервью с К3, представителем администрации КНЦ СО РАН. Красноярск, 29 июня 2022 г.).

Этот конфликт субъектностей ярче всего проявляется в вопросе о застройке Академгородка новыми домами, т. е. в вопросе о расширении территории и основании этого расширения. Для многих ученых КНЦ — это насущная необходимость, так как чем дальше, тем больше сотрудников его институтов живут не в Академгородке, а приезжают из города. С учетом экологической обстановки и леса как рекреационного блага, коммерческие застройщики рассматривают Академгородок как пространство для инвестиций. Для сообществ же местных жителей это вопрос не только вырубки леса, но и в том числе избыточной нагрузки на инфраструктурные сети (дороги, водопровод, электричество, детские сады, школы), которые застройщики не склонны расширять. Словом, это «трагедия общин» в современном городе [Hardin, 1968]. При этом проблема осознается сторонами в том числе на уровне ценностей. Одна из наиболее радикальных экологов и одновременно сотрудница ФИЦ КНЦ СО РАН в интервью отметила, что противоречие между идеями девелопмента территории (который в ее понимании в наименьшей степени будет связан с наукой) и сохранения леса неразрешимо, и лично для себя она выбрала лес как приоритет:

«Получается, проблема нерешаемая. И каждый просто должен решить, что ему дороже? Да. Получается, что Академгородок растворяется. <...> Ну, у меня дом был в Академгородке, я просто так вот смотрю один раз в окно, и вот делю свои работы. А что ж тут будет лет через 10? И мне такая вот мысль прям пришла, что вот от меня зависит конкретно этот участок. И с 2008 года вот я конкретно ночами со своими ближайшими родственниками там деревья сажаем» (Авторское интервью с К5, экологом-активистом Красноярского Академгородка. Красноярск, 29 июня 2022 г.).

Этот ценностный конфликт был отмечен и экспертами, работающими с городскими проектами современного Красноярска. В экспертном интервью двое урбанистов, привлекавшихся в том числе к работам в Академгородке и проводивших фокус-группы по проектам развития, отметили активность местных сообществ и их протестный фокус. Прозвучала даже характеристика психологии осажженной кре-

пости. В качестве показательного примера был приведен случай пространства «Красивый берег» и протестов вокруг него в 2021 г.:

«У них есть история про то, что они... вот такой остров. И они очень ценят свои редкие общественные пространства и поэтому активно сопротивляются тому, чтобы туда привлекался городской трафик. Была история с Красивым берегом. Это такая территория на обрыве таком красивом над Енисеем. <...> В какой-то момент была история, что край хотел туда зайти и сделать там общегородское пространство. <...> А жители Академа сказали нет, мы не хотим, чтобы это было общегородское пространство. Это наш красивый берег, а чего они будут к нам ездить? У них возникло движение против благоустройства, и они успешно его отбили. И они в целом так реагируют на какие-то попытки города или края поработать с их территорией. Потому что они во всем видят какую-то угрозу. <...> И им, как правило, удается отбиваться» (Авторское экспертное интервью с К1 и К2, урбанистами, городскими исследователями. Красноярск, 28 июня 2022 г.).

Альтернативу клинчу между академгородковскими градозащитниками, городскими властями и застройщиками представляет местное сообщество волонтеров-лесоводов, которое по своему составу уже переросло локальные границы. Судебным противостояниям и акциям протеста волонтеры предпочитают высадку деревьев, максимально увеличивая площади лесных территорий в Академгородке и его окрестностях. Высаживают они в том числе и краснокнижные виды, которые затем проблематично вырубить под застройку без сопутствующей экспертизы. В основе деятельности волонтеров помимо желания сохранить местные леса стоит видение одного из харизматичных лидеров сообщества лесоведа К9. Он полагает, что уже в ближней перспективе глобальное потепление оставит мало шансов традиционным для региона видам. Вместо сгорающих год от года в лесных пожарах таежных хвойных волонтеры интродуцируют в местные экосистемы в том числе более жаростойкие дальневосточные и восточно-азиатские виды. В этом К9, предпочитающий держаться в стороне от иерархий Академии наук, не всегда сходится с сотрудниками Института леса. Одна из сотрудниц Института в беседе с нами отметила одновременно и большую пользу сообщества волонтеров-лесоводов, и экспериментальный характер их деятельности: «...где-то даже в чем-то я с ним не согласна, поскольку он привозит сюда виды и высаживает, которые могут потеснить наши исторические основные виды. ...такие эксперименты не должны нанести вред основному аборигенному составу. <...> Мы [Институт леса] как-то в рамках этого работаем. Ну, по крайней мере, мероприятие у него очень хорошее, благое, много волонтеров он объединяет под своим кругом. <...> ребята из Академгородка, со всего города приезжают, те, кто равнодушен к природе, помогают, высаживают. Дубы, клены, липы высаживают, рябины, а есть и интересные какие-то у него такие интродуценты. Посмотрим, как они будут себя вести. В том числе даже гинкго, насколько я знаю, гинкго билоба высаживают. Это типичный дальневосточный вид, который у нас, скорее всего, не будет расти» (Авторское интервью с К4, сотрудником Института леса СО РАН. Красноярск, 29 июня 2022 г.).

В свою очередь К9 полагает, что сотрудники Института леса «больше поддерживают то, что осталось», а не работают на перспективу. Будучи аборигеном Академго-

родка, он считает, что это место нужно сохранять не ради него самого или комфорта предоставляемой им жизни, а репрезентирует его как экспериментальный объект: «...образцовая такая [территория], то есть это модельный такой объект, да, то есть если бы с одной стороны... Охрана, развитие его, да, это такой образец альтернативы, которую можно сделать, которую люди делают. Что можно масштабировать уже, перенести на какие-то другие ландшафты, зеленые, рекреационные» (Здесь и до конца параграфа: Авторское интервью с К9, волонтером-лесоводом. Красноярск, 1 июля 2022 г.).

Свою работу и работу своих товарищей К9 в какой-то момент нашего разговора соотносит с одним из направлений Института биофизики КНЦ СО РАН: там сотрудники на протяжении десятилетий конструируют искусственные закрытые экосистемы для полярных и космических станций, в то время как волонтеры в Академгородке создают искусственную открытую экосистему. Соответственно, отличается радикальностью и его видение решения социальных проблем и развития территории — не сохранять как есть, а перестроить: «Как можно этот лес сохранить? Ну, я все-таки вижу в идеале перспективу лес оставлять, какой он есть. А развитие микрорайона вести по пути реновации, то есть снос пятиэтажек, постепенно и замена их на комплексную высотную застройку; то есть, допустим, свечки ставить, причем не вплотную, а, грубо говоря, к свечке парковка, магазин, какой-то, парковый какой-то буфер, школа, дом или сад». При этом К9 отдает себе отчет, что такой проект возможен только как федеральный и, по сути, потребует перезапуска поселения. Тем не менее, парадоксальным образом, при обилии заинтересованных властных и экономических сторон в Академгородке только у самоорганизованных волонтеров есть сколько-нибудь внятное видение перспективы поселения.

Заключение

Сибирские академгородки появились как вариация советской модели научных городов, или городов знаний, которые начали возникать в развитых странах мира после Второй мировой войны. Создание Большой науки требовало адекватной этой цели формы. Города науки соединяли в себе большие государственные инвестиции в наукоемкое производство и исследования, массовую подготовку высокообразованных кадров и внедрение разработок в промышленное производство [Castells, Hall, 1994]. Отсутствие бизнес-сегмента в советской вариации послевоенной тройной спирали инноваций отличало советские наукограды и академгородки от американской Кремниевой долины или французской Софии-Антиполиса. Но необходимость удерживать разборчивую рабочую силу означала, что советская Большая наука также была подвержена экономическим стимулам. Это потребовало от нее выработать привлекательную модель современной городской жизни, сообщившей советским наукоградам почти утопический потенциал.

Новосибирский Академгородок и его территориально-архитектурная модель оформили базовые принципы советского несекретного инновационного поселения. Это одновременная близость и отдаленность от большого города (Москвы, Новосибирска, Красноярска и пр.), его ресурсов и политических проблем. Это доступность жилья и прочих благ советского потребительского стандарта, но распределение их

в соответствии с меритократическими научными иерархиями. Наконец, это обилие зеленых зон в городской черте, в отличие от жилья, общедоступных для рекреации и эстетического наслаждения. Важно, что городские леса новосибирского и других сибирских академгородков не просто сохранились строителями, но высаживались жителями, профильными НИИ или специальными организациями в ходе субботников, ботанических экспериментов или просто в часы досуга.

Модель академгородка, по-видимому, нигде специально не излагалась и не обобщалась — ни архитекторами, ни академиками-организаторами, ни политиками. Мы собираем ее сегодня ретроспективно, обобщая устойчивые и распространенные в академгородках формы общежития и общественные практики. По этой причине невозможно сказать, откуда конкретно происходит идея, что город науки обязательно должен быть зеленым, — ради конспирации и безопасности сталинского времени, из постсталинской архитектурной моды на использование ландшафта, из общегуманистических соображений, что умственному труду способствуют сократические прогулки, или из влияния американской кампусной традиции на профессиональное воображение советских академических лидеров. Полагаем, что на разных этапах становления советских городов науки все эти обстоятельства влияли на сети вовлеченных архитекторов, академиков, военных и политиков и взаимно усиливали идею постиндустриального города в лесу.

Из Жуковского и Новосибирска к середине 1960-х гг. идея академического городского леса распространилась, с одной стороны, на восток — на прочие сибирские академгородки, а с другой — на подмосковные наукограды. Пресса демонстрирует, что в советское время эти леса воспринимались жителями и журналистами как общее благо и привлекательная городская особенность, но еще не осознавались как историческое наследие.

Крушение Советского Союза и связанных с ним централизованных ведомственных моделей науки особенно остро ощущалось в академгородках. Сокращение прямого финансирования науки и муниципальные реформы означали, что научная элита теряла не только инвестиции, но и власть за пределами научных организаций. Ведомственный характер академгородков с конца 1990-х гг. оспаривается многочисленными девелоперами, для которых это привлекательные территории для коммерческой застройки. Советские принципы зонирования и меритократической сегрегации оказываются сомнительными перед лицом коммодификации пространства рынком недвижимости и выстраивания на этой почве новых сегрегаций (богатые/бедные).

Прежде единое иерархическое тело академическо-университетской науки, воплощенное в Президиуме СО РАН и руководстве региональных научных центров, начинает делиться и межеться по массе признаков: по работе на государство или на частный сектор, по наличию жилья в собственности или в аренде, по возрасту, семейному положению, более или менее востребованным на рынке специальностям и пр. И академические леса отражают этот процесс межетья. Регулярные в 2000–2010-е гг. попытки перезонирования территорий демонстрируют тенденцию, как застройщики, муниципальные и академические власти (при всей двусмысленности этого именованья после реформы РАН 2013 г.) режут и переопределяют прежде единые экосистемы под иные нужды, общее благо в массу частных благ. Ответом на эти процессы становится образование активистских сообществ ученых, бывших ученых и других жителей академгородков, которые с переменным успехом

ведут активную борьбу как с точечной застройкой, так и с подозрительными для них федеральными проектами развития.

Перспектива утраты академгородковских лесов заставляет активистов, а вслед за ними и других акторов общественного мнения воспринимать их уже не только как общее благо, но и как историческое наследие. Наиболее ярко этот процесс проявляется в Новосибирском Академгородке, где сформировалось мощное оборонительное активистское сообщество, существует большой мемуарный корпус, а судьба городских лесов включена в дискуссии о будущем развитии этой территории (так называемый *Академгородок 2.0*). Но те же тенденции можно разглядеть и в Красноярске — с той разницей, что формирование исторической памяти о себе и своих лесах там только начинается, а отсутствие ярко выраженных академической или университетской интерпретаций предоставляет местным активистам большее пространство для маневра.

Источники

- Астафьев В.П.* Царь-рыба. М.: Азбука, 2022. 912 с.
- Век Лаврентьева / Отв. ред. Н.Л. Добрецов, Г.И. Марчук. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 456 с.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 1. Л.: Стройиздат, 1975. 755 с.
- Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. Новосибирск: ЦСБС СО АН СССР, 1967.
- Город будет, саду цвести! // Советская Сибирь. 1957. 28 декабря. № 302.
- Городок.гу. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия. Воспоминания, размышления, проекты: Сборник статей / Отв. ред. Н.К. Максимова. Новосибирск. 2003. 420 с.
- Научный архив СО РАН. Ф. 10: Президиум СО РАН. Оп. 3. Д. 84: Деятельность ЛОС.
- Павличенков В.* Практика новой застройки городов Сибири // Архитектура СССР. 1962. № 2. С. 21–28.
- Потатьев В.* Не будьте варварами! // За науку в Сибири. 1962. 10 апреля. № 15. С. 2.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 170. Л. 3: Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «Записка академиков Лаврентьева и Христиановича». 10 января 1957 г.
- С точки зрения оптимиста // Литературная газета. 1967. 5 ноября. № 45. С. 15.
- Таран И.В.* Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2015. 160 с.
- Таран И.В., Спиридонов В.Н.* Устойчивость рекреационных лесов / Отв. ред. А.В. Куминова. Новосибирск: Наука, 1977. 180 с.
- Экология ННЦ // Наука в Сибири. 1991. 11 марта. № 11. С. 3.

Литература

- Артемов Е.Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири, 1944–1980 / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1990. 188 с.
- Бугаев Р.С.* Конструирование города-леса Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959) // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114.

Долгова Е.А. Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6. № 2. С. 235–251. DOI: 10.19181/smp.2024.6.2.16. EDN WSXYVC.

Косарева Н.Б., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Основные тенденции жилищной экономики российских городов // Городские исследования и практики. 2015. Пилотный выпуск. С. 34–55. DOI: 10.17323/usp00201534-55.

Кузнецов И.С. У истоков академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск: НГУ, 2007. 167 с.

Кузнецов И.С. Социальные проблемы новосибирского Академгородка в официальных документах рубежа 1960–1970-х годов // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. № 1. С. 181–188.

Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 439 с.

Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 135–152.

Нора П., Озуф М., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с. Природа Академгородка: 50 лет спустя. Новосибирск: СО РАН, 2007. 249 с.

Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 4. С. 33–54. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56.

Ульянов Г.В. Красноярск: справочник краеведа. Красноярск: Офсет, 2018. 448 с.

Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 374 с.

Чикагская школа социологии: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015. 429 с.

Чистяков Н.С., Смолин Р.П. Леонид Васильевич Киренский (1909–1969). М.: Наука, 1981. 169 с.

The Architecture of Science / Eds. P. Galison, E.A. Thompson. Cambridge, Mass: MIT Press, 1999. 573 p.

Baron N. New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Vol. 55. No. 3. P. 374–400.

Castells M., Hall P. Technopoles of the World: The Making of Twenty-First-Century Industrial Complexes. London: Routledge, 1994. 288 p.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. No. 3859. P. 1243–1248.

Koskina M. The Yenisei Makes the Weather: The Microclimate of the Krasnoyarsk Dam and Its Research, 1960s–1990s // The Russian Review. 2025. Vol. 84. No. 2. P. 249–266. DOI: 10.1111/russ.70010.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.

Lefebvre H. Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 196 p.

Lefebvre H. Writings on Cities. Oxford: Wiley, 1996. 260 p.

Tatarchenko K. Soviet Sci_beria. The Politics of Expertise and Novosibirsk Science Center. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 288 p.

Zarecor K.E. What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe // Journal of Urban History. 2018. Vol. 44. No. 1. P. 95–117. DOI: 10.1177/0096144217710229.

Forests of the Siberian Science Cities and the Urban Heritage of the Soviet Big Science (1950s–2010s)

MIKHAIL O. PISKUNOV

University of Tyumen
Tyumen, Russia;
e-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

TIMOFEY N. RAKOV

Higher School of Economics
St. Petersburg, Russia;
e-mail: t.n.rakov@hse.ru

This text focuses on the history of the interaction between urban forests and local communities of the Akademgorodoks in Novosibirsk and Krasnoyarsk. Understanding the process of reproducing the forests of these settlements as an expansion of urban space for science, the authors present a cross-section of the main socio-economic trends within academic communities during the late Soviet period and the collapse of the first post-Soviet decades. Relying on archival and published sources, local press, and materials from their own fieldwork in these Akademgorodoks, the authors conclude that forests in science cities act as a continuation and replacement of public spaces and constitute a common good for local residents. The text is built as a history of green construction in each Akademgorodok, its links with local political and economic contexts: the departmental character of Soviet academic science, opportunities for local scientists to attract support from regional leaders, and the willingness of NII labor collectives to voluntarily engage in beautification. The article also covers the post-Soviet period, in which green areas of Akademgorodoks become a subject of interest for local and federal developers. The confrontation with targeted development and federal development projects gives rise to activist groups in Akademgorodoks, which, thanks to perseverance and expertise, resist commodification of territories with mixed success.

Keywords: Social History of Science, Akademgorodok, science cities, M.A. Lavrentyev, urban forests, green building, activist communities, gentrification.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 25-78-10152 “Regional Spatial Complexes of Science and Technology in the Late USSR and Post-Soviet Russia (1970–2010s): Commodification, Clustering and Environmental Solutions of Interaction between the State, Academia, Universities and Industries,” <https://rscf.ru/project/25-78-10152/>.

References

Artemov, E.T. (1990). *Formirovaniye i razvitiye seti nauchnykh uchrezhdeniy AN SSSR v Sibiri, 1944–1980* [Formation and development of the network of scientific institutions of the Academy of Sciences of the USSR in Siberia, 1944–1980], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Baron, N. (2007). New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 55 (3), 374–400.

Bugaev, R.S. (2023). Konstruirovaniye goroda-lesa Novosibirskogo Akademgorodka ekspertnyimi soobshchestvami (1957–1959) [Constructing the forest city of Novosibirsk Akademgorodok by expert communities (1957–1959)], *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 2, 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114 (in Russian).

Castells, M., Hall, P. (1994). *Technopoles of the World: The Making of Twenty-First-Century Industrial Complexes*, London: Routledge.

Chikagskaya (2015) *shkola sotsiologii: sbornik perevodov* [Chicago school of sociology: a collection of translations], Moskva: INION RAN (in Russian).

Chistjakov, N.S., Smolin, R.P. (1981). *Leonid Vasil'yevich Kirenskiy (1909–1969)* [Leonid V. Kirensky (1909–1969)], Moskva: Nauka (in Russian).

Dolgova, E.A. (2024). Moskovskiy poyas sovetskikh gorodov nauki: proektirovaniye i organizatsiya prostranstva [Moscow belt of Soviet science cities: design and organization of space], *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 6 (2), 235–251. DOI: 10.19181/sntp.2024.6.2.16. EDN WSXYVC (in Russian).

Galison, P., Thompson, E.A. (Eds.) (1999). *The Architecture of Science*, Cambridge, Mass: MIT Press.

Hardin, H. (1968). The Tragedy of the Commons, *Science*, 162 (3859), 1243–1248.

Khmel'nickij, D. (2006). *Arhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'* [The Stalin's architecture. Psychology and style], Moskva: Progress-Traditsiya (in Russian).

Kosareva, N.B., Puzanov, A.S., Polidi, T.D. (2015). Osnovnyye tendentsii zhilishchnoy ekonomiki rossiyskikh gorodov [Main trends in the housing economy of Russian cities], *Gorodskiyye issledovaniya i praktiki*, no. 1, 34–55 (in Russian). DOI: 10.17323/usp00201534-55.

Koskina, M. (2025). The Yenisei Makes the Weather: The Microclimate of the Krasnoyarsk Dam and Its Research, 1960s–1990s, *The Russian Review*, 84 (2), 249–266. DOI: 10.1111/russ.70010.

Kupershtoh, N.A. (2006). *Nauchnyye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [The scientific centers of Siberian Branch of RAS], Novosibirsk: Geo (in Russian).

Kupershtoh, N.A. (2005). Stranitsy istorii Instituta lesa im. V.N. Sukacheva [The pages from the history of Institute for Forestry], *Sotsiologicheskij zhurnal*, no. 3, 135–152 (in Russian).

Kuznetsov, I.S. (2007). *U istokov akademgorodka: stroitel'stvo goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [Akademgorodok at the beginning: the construction of the city of science (1957–1964)], Novosibirsk: NGU (in Russian).

Kuznetsov, I.S. (2015). Sotsial'nyye problemy novosibirskogo Akademgorodka v ofitsial'nykh dokumentakh rubezha 1960–1970-kh godov [Social problems of Novosibirsk Akademgorodok in official documents of the late 1960s–1970s], *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, no. 1, 181–188 (in Russian).

Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space*, Oxford: Blackwell.

Lefebvre, H. (2003). *Urban Revolution*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Lefebvre, H. (1996). *Writings on Cities*, Oxford: Wiley.

Nora, P., Ozuf, M., Vinok, M (1999). *Frantsiya-pamyat'* [France-memory], S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (in Russian).

Priroda (2007) *Akademgorodka: 50 let spustya* [Nature of Akademgorodok: 50 years later], Novosibirsk, SO RAN (in Russian).

Revzin, G.I (2020). Naukogrady v Rossii: voprosy genezisa [Science cities in Russia: questions of genesis], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, 23–42 (in Russian).

Skalaban, I.A., Sergeeva, Z.N., Lobanov, Yu.S. (2022). Zashchishchayushchiesya. Oboronitel'nyye funktsii soobshchestv v gorodskikh konfliktakh (na materialakh g. Novosibirsk) [Defenders. Defensive functions of communities in urban conflicts (on the materials of Novosibirsk)], *Mir Rossii*, no. 4, 45–46 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56.

Tatarchenko, X. (2024). *Soviet Sci_beria. The Politics of Expertise and Novosibirsk Science Center*, London; New York: Bloomsbury Academic.

Ul'janov, G.V. (2018). *Krasnoyarsk: spravochnik krayevedy* [Krasnoyarsk: Local historian's guide], Krasnoyarsk: Offset (in Russian).

Zarecor, K.E. (2018). What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe, *Journal of Urban History*, 44 (1), 95–117.

Приложение

Список информантов, принявших участие в исследовании

Характер участия	№	Идентификатор	Пол	Образование	Род деятельности	Место интервью	Дата интервью
Экспертное интервью	1	K1	М	Высшее, кандидат наук	Городской исследователь, урбанист	Красноярск	28.06.2022
Экспертное интервью	2	K2	Ж	Высшее	Городской исследователь, урбанист	Красноярск	28.06.2022
Биографическое интервью	3	K3	М	Высшее, кандидат наук	Научный сотрудник, административный работник	Красноярск	29.06.2022
Биографическое интервью	4	K4	Ж	Высшее, кандидат наук	Научный сотрудник	Красноярск	29.06.2022
Биографическое интервью	5	K5	Ж	Высшее, кандидат наук	Научный сотрудник	Красноярск	29.06.2022
Биографическое интервью	6	K9	М	Высшее	Волонтер, организатор неформальной группы	Красноярск	01.07.2022